

ПО СЛЕДАМ ТАМАНЦЕВА

Повесть

Глава 1

— Ваши документы, — сказал мне сержант-крепыш, наметанным глазом выделив меня из толпы.

Да, не дружески встречает меня Москва. Хотя я понимаю: сам виноват. Психолог хренов. Сознывая, что мне предстоит долгая дорога, а в ней и иголка тяжела, я взял с собой маленькую сумку, куда сунул смену белья, бритвенные принадлежности и диктофон. Оделся я также по-походному: на ногах кроссовки и джинсы, на голове панамы защитного цвета, а пространство между джинсами и панамой сокрыто футболкой-полурукавкой камуфляжной раскраски и серым жилетом — вещью, весьма любимой операторами кино и спецназовцами за огромное количество карманов и карманчиков. И хотя во мне трудно признать «лицо кавказской национальности», — у меня уже дважды проверяли документы.

Первый раз — на Белорусском вокзале. Второй — на вокзале аэро, куда я приехал, чтобы купить билет на самолет до Новосибирска.

Но если на Белорусском милицейский патруль сначала представился, а уж потом попросил предъявить паспорт, то околотовдушная милиция была более бесцеремонна.

Сержант повертел паспорт в руках, потом повернулся и пошел прочь, однако, как будто вспомнив о чем-то, вернулся, сунул паспорт мне в руки и, не говоря ни слова, направился далее, рассматривая посетителей с видом высшего судьи.

Билет до Новосибирска я взял свободно. А затем поехал к своему другу и коллеге, который в отличие от меня еще служил. Сделал я это не только потому, что понимал — если буду болтаться по Москве в таком одеянии, меня проверят еще несколько раз. И, хотя процедура не представляла для меня опасности, мне почему-то не хотелось подвергаться ей еще раз.

Добравшись до Ясенева, я попал в район, где на меня смотрели не так подозрительно, и это вселяло надежду на более спокойное пребывание в столице.

Весь день я пробыл у своего друга и коллеги. Мы болтали, вспоминали однокашников, своих преподавателей.

— А помнишь, — сказал я ему, — как ты пытался объять необъятное...

— Помню, помню, — сказал он.

Мой друг был технарем по своему первому образованию и в учебном заведении КГБ, где мы с ним учились на одном курсе, пытался связать то, что могло быть связано только в технике. А поскольку парень он был ответственный, его попытки соединить несоединимое и найти в бывшей идеологии некую железную логику, едва не закончились плачевно. И я законно горжусь собой, что сумел разъяснить ему это. Следовательно, я мог рассчитывать на некую благодарность со стороны контрразведки России, что не дал, говоря курсантским сленгом, «поехать крыше» у одного из ее неофитов, и она не потеряла в его лице ценного сотрудника — аналитика.

Потом я пожаловался на сверхбдительность московской милиции. На что мой бывший коллега сказал:

— Не хрен выражаться так, война идет...

Что я мог ему возразить?

— Ладно, — сказал я ему, — война так война. Ты меня проводи вечером до самолета. Я не хочу, чтобы меня неожиданно поместили в какой-нибудь ИВС на тридцать суток по подозрению в террористической деятельности.

— И правильно сделают, — проворчал мой друг голосом первого президента России, — приехал из другого государства и создаешь, понимаешь, проблемы правоохранительным органам столицы.

Но, посмотрев на выражение моего лица, немного смягчился:

— Провожу, — сказал он, — непременно провожу. Да, что это мы все о прошлом, да о прошлом — расскажи, как там у вас в Белоруссии?

Я, было, открыл рот, чтобы поведать ему о житье-бытье в Беларуси. Но появилась его младшая дочь Света, которой было всего шесть лет и которая, как все поздние дети, была чрезвычайно самостоятельна и не по годам развита.

— О, — сказала она, — дядя Селеза приехал... Щас я расскажу тебе смешной анекдот.

Здесь надо сделать отступление. Несмотря на свой юный возраст она действительно рассказывала смешные анекдоты. Но смешны они были потому, что она, сама того не сознавая, делала акцент на том, чего взрослые не замечают в силу своего житейского опыта. Именно это и придавало анекдотам в ее устах необычность и остроту.

— Дай нам поговорить, — перебил ее отец.

— Вот расскажу анекдот, тогда говорите...

Видя, что от дитя не отделаться просто так, отец сказал:

— Рассказывай, только быстро.

— Не торопи меня, — ответила дочь.

— Хорошо, хорошо, только ты говори быстрее...

— Спрашивает муж у жены, — начала она. — «Ты поцистила мой пиджак?» — «Поцистила». — «А брюки поцистила?» — «Поцистила». — «А сапоги поцистила?» — «А сто, у тебя в сапогах уже есть карманы?»

Мы сдержанно усмехаемся. А Светка, полагая, что до нас не дошла суть анекдота, объясняет:

— В сапогах не бывает карманов.

Тут мы начинаем хохотать, понимая, что для нее еще непонятны особенности отношений между супругами, и она видит изюминку анекдота в том, что ей более понятно.

Видя, что цель рассказывания анекдота достигнута, дите покидает нас, а мы возвращаемся к прерванной беседе. Но друг не напоминает мне про Беларусь. Значит, вопрос был задан из вежливости и его не очень интересует, как там у нас в Беларуси.

* * *

Вечером мы были на аэровокзале.

— Ты на каком самолете летишь? — спросил друг у меня.

— Аэробус, — ответил я.

— Хороший самолет, — сказал он и, немного помедлив, добавил, — комфортный.

— На других не летаем, — ответил я, — хотя взял билет на этот рейс только потому, что в этом самолете было много свободных мест.

Объявили начало регистрации.

— Ты почему с такой легкомысленной сумкой? — спросил он.

— Чем она тебе не нравится?

— Замков нет, а вдруг кто-нибудь туда заглянет.

— Типун тебе на язык, у меня там диктофон и батарейки.

— Хочешь кого-нибудь записать?

— Да, — сказал я, — одного очень интересного человека. Богомоллова читал?

— Читал, — ответил он.

— Вот я лечу работать с одним из его прототипов.

— Далеко?

— На Дальний Восток.

— Кто оплачивает? Заказчик?

— Нет. Добрые люди.

— Неужели такие еще водятся?

— Как видишь, не перевелись.

Моя сумка уплыла по транспортеру, а я получил красивый аэрофлотовский талон.

— Ну, — сказал мне друг, — давай прощаться.

— Давай, — ответил я, — но прежде возьми этот телефон.

— Мне по нему нужно позвонить?

— Да, позвони дня через три-четыре.

— Это оперсвязь? — спросил он, заглянув в бумажку.

— Обижает — в/ч. Позвонишь в Минск моим коллегам, они тебе сообщат информацию для меня по некоему Коловратову, по непроверенным данным, разжалованному майору «Смерша».

— Ты совсем чокнулся, — сказал он мне, — ваши, наверное, запросили информацию у нас, мы сообщили им, а я возьму эту информацию у ваших и передам тебе...

— Специфика момента, — ответил я ему, — правой рукой чешем левое ухо, но иначе нельзя: в разных государствах живем. Попросить это сделать тебя я не могу. Так что, брат, вот так через... некую часть тела все и делаем.

— А чем провинился этот Коловратов, что его разжаловали, по непроверенным данным?

— По непроверенным данным его разжаловали и уволили после участия в операциях во время войны с Японией.

— А тебе-то он чем интересен?

— Во время войны он, по плохо проверяемым данным, участвовал в операциях «Смерша» на территории современной Беларуси.

— А на Востоке он почему осел?

— Спроси что-нибудь полегче. Впрочем, я тебе смогу все объяснить по возвращению. Разумеется, если тебе это будет интересно.

— А почему мне может быть неинтересно?

— Потому, что одно дело — детективы читать, а другое дело — реально расследовать жизненные ситуации. Они, чаще всего, не столь стремительны и не столь увлекательны...

— Это в тебе говорит бывший следок... Если ты любишь то, чем занимаешься, то тебе все интересно.

«Посадка на рейс 36-74 до Новосибирска заканчивается» — проинформировал женский металлический голос.

— А почему ты сразу не летишь на Восток?

— Ты, как старый контрразведчик, хорошо усвоивший то, что нам читали корифеи этого дела двадцать лет назад, должен понимать, что у человека должна быть какая-то база, с которой он действует. И эта база должна быть расположена неподалеку от театра военных или иных действий.

— Ни хрена себе база, — сказал мой друг, — в трех тысячах километров от самого театра.

— А ты что хотел, чтобы она была в Москве, в шести тысячах километров от означенного театра.

— Ладно, не заводись перед полетом, звони...

— Конечно, ты моя информационная ниточка.

* * *

Всего через три с небольшим часа Ил-86 доставил меня из столицы России в аэропорт неофициальной столицы Сибири Толмачево, и я почувствовал себя покорителем больших пространств и похитителем времени. Все произошло как нельзя лучше, в полете я не спал, но перед посадкой все-таки задремал. Разбудили меня аплодисменты пассажиров. Я выглянул в окно. Самолет бежал по взлетно-посадочной полосе, а над постройками порта красовалась надпись «Новосибирск».

Получив багаж, я взял такси и приехал на улицу Сибирскую, 17.

— Привет, дядя Сережа, — сказала мне повзрослевшая за годы, пока мы не виделись, нынешняя хозяйка квартиры Соня Самохина. Тюфячок вас ждет. Можете спать хоть до обеда. Если будете уезжать — ключ отдайте соседке слева. Мы с девяти на работе. Помните соседку слева?

— Помню.

— Да, кстати, как там в Белоруссии?

Деловой стиль общения современной молодежи.

— Потом расскажу, — сказал я и пошел в комнату, где меня ждал расстеленный на полу матрасик, который почему-то назывался тюфячком.

Я улегся на тюфячок и, поскольку ночь у меня пропала благодаря парадоксу полетов на Восток, уснул. Когда я проснулся, часы показывали половину первого.

Хозяев не было, на столе в кухне лежала записка с лаконичным содержанием: «Хлеб в хлебнице, чай в буфете, все остальное — в холодильнике».

Я принял душ, побрился, выпил чаю, а потом стал бродить по квартире.

В ней многое изменилось, с тех пор как я здесь бывал. Неизменными, пожалуй, остались лишь полки с книгами, да картины сибирских художников, когда-то подаренные ее хозяину, Николаю Самохину, известному российскому писателю-беллетристу и сатирику, трагически ушедшему из жизни в восемьдесят девятом году.

Двадцать лет назад я познакомился с ним случайно, хотя, наверное, это не совсем верно, поскольку начинающих литераторов всегда рано или поздно прибывает к мастерам пера, как начинающих правонарушителей к уголовным авторитетам.

Но наша дружба не была замешана на литературных интересах, точнее, я видел в нем писателя, а он во мне лишь человека редкой профессии, о которой в писательской среде, благодаря постоянному промыванию мозгов СМИ, было какое-то инфантильно-извращенное представление.

Впрочем, если кто-то спросит: чему научил меня Самохин — писатель — я с уверенностью могу сказать: способности самому давать оценку тому, что ты написал, и не верить никаким другим мнениям, от каких бы литературных авторитетов они ни исходили.

Я подошел к книжной полке, взял в руки книгу Самохина «Где-то в городе на окраине» и стал листать. На семьдесят третьей я нашел то, что хотел.